

0720570-1

На правах рукописи

РОДЧЕНКО Анна Валерьевна

**СРЕДСТВА ЭВФЕМИИ В СОВРЕМЕННОМ
ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале кубинского национального варианта)**

Специальность 10.02.05 – романские языки

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва – 2000

**Работа выполнена на кафедре иностранных языков
филологического факультета Российского университета
дружбы народов**

- Научный руководитель** – доктор филологических наук,
профессор Н.М.Фирсова
- Официальные оппоненты** – доктор филологических наук,
доцент М.В.Зеляков
- кандидат филологических наук,
профессор Н.Н.Курчаткина

Ведущая организация – Московский государственный университет
им.М.В.Ломоносова

Защита состоится "25" февраля 2000 г. в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 053.22.03
в Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г.Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, ауд.436.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РУДН

Автореферат разослан " " 2000 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000522222

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Г.Ф.Жидкова

Реферируемая диссертация посвящена функционально-системному исследованию средств эвфемии в современном испанском языке на материале кубинского национального варианта.

Феномен эвфемии относится к языковым универсалиям, является неотъемлемым компонентом процесса коммуникации и служит одним из основных средств обеспечения бесконфликтного и успешного общения.

Проблема эвфемии неоднократно рассматривалась специально, либо в связи с другими языковыми проблемами в работах отечественных и зарубежных лингвистов на материалах различных языков (Афанасьева, 1996; Бердова, 1981; Босчаева, 1989; Жельвис, 1985, 1990; Заботкина, 1988; Кацев, 1977, 1988; Павлова, 1996; Турганбаева, 1989; Beinhauer, 1973, 1978; Neaman, Silver, 1995; Widlak, 1970 и др.). В зарубежной испанистике средства эвфемии являются традиционной областью исследований после знаменитой работы Ч.Кэни (1960) (см., например, Casas Gómez, 1986; Galli de Paratesi, 1964; Gregorio de Mac, 1973; Grimes, 1978; Montero, 1981; Rabanales, 1966-68 и др.). В отечественной испанистике специальных работ по эвфемии практически нет, за исключением отдельных замечаний и наблюдений в работах И.Л.Афанасьевой (1996) и А.М.Кацева (1988).

В настоящей работе продолжена разработка теоретического аспекта проблематики эвфемии в русле функционально-системного подхода на материале кубинского национального варианта современного испанского языка (в дальнейшем – КНВ). Обращение к кубинскому материалу определяется рядом причин, в числе которых основными можно считать его своеобразие и даже уникальность, обусловленные факторами социально-исторического плана, а также стремление восполнить пробел, наметившийся в течение последнего десятилетия в отечественной испанистике, в том, что касается Кубы.

Вышеизложенным определяется **актуальность** данного исследования, **целью** которого является функционально-системное описание основных средств эвфемии в КНВ.

В соответствии с поставленной целью в работе решается ряд **задач**:

- уточнить главный лингвистический критерий эвфемизма;
- определить статус эвфемизмов в контексте других средств экспрессивности;
- проанализировать психологический механизм смягчения;
- рассмотреть основные аспекты вариативности эвфемизмов;
- разработать методику, позволяющую количественно представить эвфемистический потенциал единиц с одинаковым денотатом;
- выявить и систематизировать основные лингвистические и паралингвистические средства эвфемии в КНВ.

Методы исследования. В работе используется комплексная методика с применением современного научного аппарата: гипотетико-дедуктивный и контекстологический методы, элементы компонентного, сравнительного и

валентностного анализа, лингвистическое интервьюирование (метод опроса информантов) и количественный анализ полученных данных.

Практическим материалом для исследования послужили более 3000 примеров из произведений современных кубинских писателей (общим объемом свыше 6000 страниц), ряда научно-лингвистических работ зарубежных испанистов, материалов кубинской прессы, глобальной сети Internet, а также данные, полученные в ходе опроса информантов (около 100 человек).

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые в отечественной испанистике осуществляется комплексный анализ средств эвфемии на базе функционального подхода, определяющего их широкую трактовку. Новым оказывается обоснование реализации смягчения при помощи средств всех языковых уровней, а также рассмотрение эвфемистических возможностей паралингвистических средств. Особое внимание уделено подробному анализу психологической стороны явления эвфемии с привлечением научного аппарата психологии и психолингвистики; проведен эксперимент по градуированию эвфемизмов для понятия "modi" ("умереть") в КНВ с целью выяснения их эвфемистического потенциала.

Теоретическая значимость работы состоит в последовательном обосновании и применении на конкретном языковом материале широкой трактовки понятия эвфемизма как средства смягчения, рассматриваемого, в свою очередь, в качестве одной из сторон проявления экспрессивности, основным признаком которой, как известно, является выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания (специфика эвфемизмов состоит в имплицитном выражении отрицательной оценки).

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования основных результатов исследования при чтении курсов по стилистике и лексикологии, на занятиях по переводу и анализу художественного и публицистического текстов; полученный материал можно рекомендовать также для освещения в научных кружках и на факультативах.

Апробация работы проводилась на кафедре иностранных языков филологического факультета РУДН. Отдельные аспекты работы изложены в докладах на следующих конференциях:

- 1) на Международной научной конференции "Лингвистические и методологические аспекты подготовки научно-технических переводчиков" (Москва, РУДН, 1997);
- 2) на Степановских чтениях "Проблемы межкультурной языковой коммуникации" (Москва, РУДН, 1998);
- 3) на V Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам "Ломоносов-98" (МГУ);
- 4) на II Всероссийской конференции испанистов (Москва, 1999);
- 5) на Международной конференции "Обучение российских и иностранных граждан на подготовительных факультетах в условиях

международной интеграции высшего образования" (Москва, РУДН, 1999).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка библиографии (242 наименования), словарей и источников примеров.

Первая глава посвящена рассмотрению теоретических основ исследования, истории вопроса изучения проблематики эвфемии в языкознании, анализу стилистического, прагматического и психологического аспектов эвфемии. Во второй главе основное внимание уделено проблеме вариативности эвфемизмов. В третьей главе исследуются основные лингвистические и паралингвистические средства эвфемии в КНВ.

Содержание работы

В настоящей работе признается необходимость отграничения древних "переименований по запрету" (термин Б.А.Ларина) от их современных "родственников" и закрепления за последними термина "эвфемизмы". Генетическое родство с древними (или этимологическими) эвфемизмами обусловило складывание исторически традиционной узкой трактовки понятия "эвфемизм", основанной на этимологии термина (из греч. *εὐφημισμός* < *εὐφρῖνω*), согласно которой под эвфемизмом подразумевается определенное слово или выражение, употребляемое *вместо* неприемлемого по тем или иным причинам слова или выражения (субституционный подход). Попытки отказаться от субституционного подхода, предпринятые лингвистами в последние десятилетия, привели к другой разновидности узкой трактовки – ограничению средств эвфемии сферой тропов (в основе – критерий косвенности номинации).

Вслед за Э.Бенвенистом и Ш.Брюно^{*} термином "эвфемия" в работе обозначается языковая тенденция к смягченному выражению определенного содержания. Эвфемия, таким образом, рассматривалась нами как одно из проявлений категории экспрессивности, основным признаком которой, как известно, является выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания. В качестве основной функции всех эвфемизмов выделена функция смягчения, основу которого составляет имплицитное выражение отрицательной оценки некоторого компонента содержания высказывания.

Первичным и главным лингвистическим критерием эвфемизма, следовательно, выступает негативная оценка (так называемая *стигма*) некоторого компонента содержания высказывания (в том числе некоторых коммуникативных намерений, содержащих элементы отрицания и волеизъявления, а также его категоричности). Общая черта всех средств, используемых с эвфемистическими целями, проявляется в их способности к

^{*} Benveniste E. La blasfemia y la eufemia // Problemas de lingüística general. – Madrid, 1977. – P.259; Bruneau Ch. Euphemie et euphemisme // Festgabe Ernst Gamillscheg, 1952. – P.11-12.

нейтрализации отрицательных эмоций, связанных с негативной оценкой в результате ее имплицирования.

Помимо общепринятых в том или ином языковом коллективе социально регламентированных запретов, отражающих его национально-культурную специфику и определяющих негативную оценку стандартного набора понятий, регулярно подвергаемых эвфемизации, на периферии данного тематического поля выделяется область индивидуальных табу, появление которых бывает обусловлено исключительно личным опытом адресанта и его статусно-ролевыми характеристиками. В целом, можно говорить о том, что любой отрезок действительности, связанный в сознании адресанта с отрицательными эмоциями (прежде всего, страхом, стыдом и отвращением) в прошлом, настоящем или будущем часто будет находить эвфемистические способы выражения.

Четкое установление главного лингвистического критерия эвфемизма и его последовательное применение к языковому материалу позволило выделить класс псевдоэвфемизмов, обычно относимых к эвфемизмам, но таковыми не являющихся (типа *fruta bomba* – наименование плода папайи, *prendedera* – паслен (вид растения), *blanquillos* – куриные яйца). В их основе лежат ложные табу, обусловленные стигматичностью означаемого при одновременном отсутствии отрицательной оценки денотата (соответственно, *paraya*, *pendejera*, *huevos*), которые возникли как результат преимущественного использования данных наименований во вторичной номинации либо вследствие их созвучия с табуируемыми единицами.

Функционально-системный подход способствовал преодолению узкого понимания эвфемизма только как небольшой части лексической системы языка (традиционный субституционный подход, а также ограничение эвфемизмов сферой тропов) и позволил рассматривать эвфемистические возможности единиц всех языковых уровней, а также паралингвистических (а в перспективе – и экстралингвистических) средств. Настоящая работа представляет собой первую в отечественной испанистике попытку такой трактовки. В соответствии с общими принципами функциональной стилистики при выявлении и систематизации основных средств эвфемии в КНВ использовалось их сопоставление со стилистически нейтральными языковыми средствами, выбранными в качестве "точки отсчета" (за исключением эвфемизмов инвектив, фон для сравнения которых образуют сами инвективы).

Динамичность эвфемизмов, воплощением которой является, прежде всего, их вариативность, и двойственная природа, заключающаяся в противоречии между внутренней формой и денотативной соотнесенностью, составляют их основные имманентные свойства.

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что функция смягчения может быть как основной (у собственно эвфемизмов), так и вторичной или вспомогательной (у полиэкспрессивных эвфемизмов). Последнее характерно, например, для эвфемизмов, основанных на приеме

иронии, для большинства эвфемизмов-метафор, а также для идеологических или политических эвфемизмов.

Понимание психологической сущности эвфемизма связано с понятием общения, его интерактивной стороной. Успешность процесса общения определяется, прежде всего, соответствием поведения коммуникантов социальным нормам, регламентирующим любую совместную деятельность, а также взаимным ожиданиям друг друга, что, в свою очередь, зависит от степени развитости у них эмпатии, способности к идентификации, децентрации и саморефлексии, а также их индивидуальных психических характеристик и уровня их социального интеллекта. В речевом общении ведущим критерием этикетности (т.е. соответствия нормам) является вежливость. Соблюдение принципа вежливости, в частности, требует от коммуникантов избегать информации, способной вызвать у собеседника отрицательные эмоции, а в случае невозможности этого – использовать максимально корректные способы для ее передачи (лингвистические и паралингвистические). Такие способы мы и называем эвфемистическими средствами. Анализ некоторых типов дискурса (делового, юридического, дипломатического, научного) позволил выделить в качестве одного из средств эвфемии композиционный метод, который заключается в помещении нежелательной информации в определенный отрезок сообщения – в середине, ближе к концу – с целью своеобразной "амортизация", т.е. смягчения общим положительным фоном.

Анализ психологического механизма смягчения проведен нами в свете основных положений концепции сетевой организации следов словесных сигналов в механизмах внутренней речи и моделей "вербальной сети" (Т.Н.Ушакова) и внутреннего лексикона (А.А.Залевская). Элемент "вербальной сети", соответствующий слову-табу, активируется у слушающего опосредованно через элемент, соответствующий слову-эвфемизму, который, в свою очередь, является центром очага активности, формирующегося под воздействием непосредственного словесного раздражителя. Эта опосредованность и образует основу психологического эффекта смягчения.

Проблема вариативности, связанная с проблемой асимметрии языкового знака, рассмотрена в настоящей работе применительно к средствам эвфемии с учетом нескольких взаимосвязанных факторов: социального, временного, психологического, национально-культурного, территориального и ситуативно-стратификационного, ведущим из которых является социальный, что подтверждается, в частности тем, что эволюция эвфемии отражает эволюцию человеческой морали.

Влияние временного фактора на вариативность эвфемизмов проявляется при участии социального (отражение появляющихся и исчезающих в обществе запретов) и психологического факторов (рост числа негативных ассоциаций в процессе употребления эвфемизма, приводящий к необходимости введения все новых эвфемизмов). Несмотря на схожесть сфер

запретов в культурах европейского (христианского) образца, в реальной коммуникации обнаруживается множество различий, обусловленных национально-культурной спецификой речевого и неречевого поведения, что проявляется как в особенностях тематики самих запретов, так и в большей или меньшей степени их обязательности. Функционирование испанского языка в виде нескольких национальных вариантов обуславливает, в числе прочего, различия в репертуаре табуированных форм и средств эвфемии для каждого национального варианта. Этот фактор вариативности проявляется, *во-первых*, в том, что некоторые номинации, не являясь непристойными в одних национальных вариантах, табуируются в других (например, куб. *bollo*; *paraaya*; *chingar*; *venirse*; аргент. *coger* и другие, относящиеся, в основном к сексуальной сфере).

Во-вторых, своеобразие части эвфемизмов ограничивается, в числе других, рамками национального варианта. Кубинское употребление *escribir una carta (a Fidel)* ("defecar" – "испражняться"), *difícil de feis* (← англ. face, "feo" – "урод"), *tifitifi* (← англ. thief, "ladrón" – "вор"), *saramanbiche* (← англ. инвектива son of a bitch, "hijo de puta") в качестве эвфемизмов ограничено только этим национальным вариантом. Антильское название плода 'paraaya' в ряде провинций на Кубе воспринимается только как обозначение vulva и является вследствие этого табуированным. Известный псевдозэвфемизм 'fruta bomba' для обозначения плода используется только на Кубе и закономерно воспринимается в настоящее время как двусмысленность.

В качестве характерной черты КНВ необходимо выделить особенности политических или идеологических эвфемизмов, обусловленные, в свою очередь, особенностями кубинской социально-политической системы. Термином *período especial* – "особый период" – именуется обширный экономико-политический кризис, охвативший страну после распада социалистического лагеря; наблюдается выраженная тенденция к эвфемизации наименований первых лиц государства, и, прежде всего, самого *Comandante en Jefe* (Главнокомандующего): *el uno*, *el que más dice*, *el cacique*, *jerarca*, *Papá Respeto*, *el hombre*; термины *personal disponible* ("незанятый персонал"), *decrecimiento de la ocupación* ("снижение занятости"), *reordenamiento laboral* ("реорганизация трудовых ресурсов") служат целям маскировки такого несовместимого для социализма понятия как безработица. Любая официальная идеология прибегает к эвфемизмам, чтобы "подогнать" под себя несоответствующее ей общественное явление или действия власти. Кубинская система не является в этом смысле исключением, сохраняя при этом черты, характерные для коммунистического общества.

Выбор средства эвфемии для выражения одного и того же содержания в конкретном коммуникативном акте во многом определяется факторами ситуативно-стратификационного плана (т.е. статусно-ролевыми характеристиками его участников). Чем более дистантными воспринимаются отношения самими участниками общения, тем меньше вероятность нарушения ими различных запретов и тем чаще возникает потребность в смягчении,

причем из ряда эвфемизмов одного и того же понятия выбирается наиболее "мягкий". В симметричной ситуации возможности выбора становятся менее ограниченными, не исключается и возможность нарушения табу.

Характер взаимоотношений эвфемизмов для одного и того же понятия в зависимости от их эвфемистического потенциала (т.е. по признаку мягкости-резкости) позволяет показать градуальный эталон, созданный на базе их совокупности при помощи психолингвистического эксперимента с участием информантов-носителей языка. Методика эксперимента "Градуальный эталон" была разработана В.Я.Шабесом на базе основных положений о градуировании, выдвинутых Э.Сэпиром и Д.Болинджером и с учетом методики и результатов психолингвистических опытов Ч.Осгуда по измерению значения.* В настоящей работе градуальный эталон создан на основе совокупности эвфемистических номинаций для обозначения понятия "умереть" в КНВ, хотя подобные модели возможно создать для любого понятия, могущего быть вовлеченным в процесс эвфемизации с учетом его национально-культурной специфики.

Всего в опросах приняло участие 63 человека. Из них: 28 мужчин и 35 женщин в возрасте от 16 до 55 лет; 33 человека с высшим и 30 со средним образованием; провинции: Матансас, Сьенфuegos, Ольгин, Сантьяго де Куба.

Полученный в результате окончательной обработки данных градуальный эталон выглядит следующим образом:

1. decir adiós para siempre ("среднее место": 7, 3824)
2. decir adiós a la vida (7, 5)
3. irse al cielo (8, 5294)
4. descansar (8, 7647)
5. irse al paraíso (8, 9412)
6. dejar de existir (9, 6176)
7. pasar a mejor vida (11, 5588)
8. irse para no volver (11, 5882)
9. pasar al otro mundo (12, 2353)
10. irse al otro mundo (12, 7941)
11. llegarle el día a uno (13, 1765)
12. perder la vida (13, 1765)
13. fallecer (13, 2059)
14. perecer (13, 2353)
15. llegarle la hora a uno (13, 2647)
16. producirse el deceso de uno (13, 6176)
17. expirar (13, 7353)
18. irse para el más allá (13, 8235)
19. hacer el último viaje (13, 8824)
20. dejar a alguien (13, 9706)

* Шабес В.Я. Событие и текст. – М.: Высш.шк., 1989.

21. **morir** (15, 2941)
22. **sucumbir** (15, 5294)
23. **fenecer** (15, 9412)
24. **finar** (16, 2059)
25. **acabarse** (16, 6765)

Несколько единиц (*sucumbir*, *fenecer*, *finar*, *acabarse*) занимают на полученной шкале место ниже доминанты *morir*. Это означает, что в среднем в ситуации необходимости смягчения отрицательного воздействия смысла высказывания средний кубинец скорее не предпочтет использовать данные единицы.

Полученный градуальный эталон позволил, во-первых, экспериментально подтвердить градуальный характер взаимоотношений эвфемистических способов обозначения одного и того же понятия; во-вторых, выделить ядро лексико-семантического поля эвфемизмов понятия “*morir*” в КНВ, центр которого составляет лексема “*fallecer*”; в-третьих, проследить характер зависимости эвфемистического потенциала единиц от их стилистической значимости и оценки по шкале “хорошо-плохо”; в-четвертых, при помощи включения в совокупность градуируемых единиц доминанты синонимического ряда - прямого наименования “*morir*” нам удалось выделить группу потенциальных эвфемизмов, т.е. таких единиц, эвфемистический потенциал которых невысок и способен проявиться только в благоприятствующих этому условиях. Наконец, в перспективе возможно сопоставление аналогичных градуальных шкал для различных национальных вариантов (а также для различных языков) с целью выяснения разницы эвфемистического потенциала одних и тех же (или аналогичных) языковых единиц, т.е. их функциональной полисемии, проявляющейся, в частности, в их национально-культурной специфике.

Анализ языкового материала позволил выделить некоторые основные фонетические, лексико-семантические и грамматические средства эвфемии.

Фонетические способы эвфемии включают: сокращение, добавление, сокращение с добавлением, рифму.

К фонетическим операциям эвфемистического сокращения относятся афферезис, апокопа и синкопа. Сокращение может затрагивать большее или меньшее число составляющих (от одного звука до почти всего слова), однако каждый раз сохраненного отрезка достаточно для вызова нужной ассоциации у собеседника. Нейтрализация отрицательных эмоций, связанных с данной словоформой происходит с отсечением ее части. Сокращение может быть полным, в этом случае избыточность высказывания позволяет восстановить отсутствующий элемент. Одновременно происходит изменение интонации, мелодики фразы, передаваемое на письме многоточием. Такие случаи являются пограничными, поскольку можно говорить и о синтаксическом эллипсисе или абруптиве.

Чаще всего сокращению подвергаются слова ЛСГ инвектив и близких к ним групп. Примеры: - ño (← соño); mongo (← mongólico); sansi (← sansibérico); gil (← gili); cará (← carajo). Апокопа как эвфемистический прием нередко используется в фольклоре:

“Te quiero jo...
te quiero joven y bella,
como una pu...
como una pura doncella,
y con mi pi...
y con mi pícara mano,
tocar las te...

tocar las teclas del piano”, где за сокращенными словами скрываются непристойные *joder*, *puta*, *pícha*, *tetas*.

Необходимо отдельно отметить те случаи апокопы, в которых слово сокращается до одной начальной буквы (h.p.← hijo de puta). В этом случае происходит полное сокращение звукового образа при сохранении части графического. Соответственно меняется и произношение: “hache pe” (то есть по названию буквы).

В результате операций добавления и сокращения с добавлением эвфемистический эффект достигается одновременным установлением нескольких ассоциативных связей, оказывающих тормозящее действие друг на друга. Примеры: linán (← inán в значении “задница”); samafeo, federico (← feo); locadio, leocadio (← loco).

Сокращение с добавлением как фонетический способ эвфемии является наиболее продуктивным в испанском языке (около 80% примеров). Примеры: contra, concho (← соño); caracoles, caray, caramba, carijo, corajo, (← carajo); miércoles, (← mierda; возможно также от mierda + caracoles ← carajo); jorobar (← joder); cojoyo, cojines, coxones (← cojones); cucu, culantro (← culo); comebola(s), comemiércoles, comerraspa, comecatibaia, comegefio, comequeque, comecontra (← comemierda); estar embarcada, estar en Baracoa, estar embarcutey (← estar embarazada); federal (← feo); diango (← diablo); me caso en diez, me caso en la porra, me caso en el mundo (me cago en...); ramón (← mongólico); gilberto (← gili); mariposa (← maricón); nananina, naranja de China, ne, nela sosa, nereida, nicomedes gandol (← no).

Различным трансформациям может подвергаться не только слово, прямо соответствующее понятию, но и слова одного лексико-семантического поля, например: roberto (← robar) - ‘ladrón’, manuela (← mano) - ‘masturbación’, ser de Bainoa (← vaina) - ‘ser tonto’, entrar por Coliseo (← culo) - ‘practicar el sexo anal’ (Ср. пирен. sangregorio (← sangre) – “менструация”).

Встречаются случаи эксплицитирования действия сокращения с добавлением как бы в расчете на осуществление адресатом обратной операции: “no seas majadero con p” (ср. аналог. русск. “чудак на букву м”).

Особым случаем сокращения с добавлением являются так называемые „складные” слова. Это частичное слияние двух слов (контаминация) и их реинтерпретация, например: *cojontra* (← *cojones* + *contra* ← *coño*), *vejerano* (← *viejo* + *veterano*) (Ср. пирен. *putetisa* (← *puta* + *poetisa*); *camaruta* (← *camarera* + *puta*); русск. "секретутка").

Некоторые фонетические средства, а именно звуковая аналогия могут использоваться и в последовательностях словоформ – синтагмах. Этот прием (рифма) также часто используется в фольклоре, например:

"Para el día que me muera

Mandé a hacer ya dos panteones

Uno pa' que echen mi cuerpo

Y otro pa' los millones" (← рифма "panteones – cojones").

Большинство фонетических эвфемизмов являются омофонами стилистически нейтральных языковых единиц и в этой функции обычно не фиксируется словарями. Ср.: *miércoles* (среда); *sojo* (разновидность пальмы); *cojines* (подушки); *culantro* (кориандр); *estar en Baracoa* (находиться в Баракоа - городе на Кубе); *federal* (федеративный); *mariposa* (бабочка).

Полученное в результате формальных преобразований слово может не иметь в языке самостоятельного значения; в этом случае основной и единственной для него становится функция эвфемизма (*carijo* ← *carajo*; *sojo* ← *cojones*; *embaracutey* ← *embarazada*; *diango* ← *diablo*. Ср. русск. "еханы-бабай", "ексель-моксель" и т.п.).

Среди основных лексико-семантических средств эвфемии в КНВ выделяются: метафора; метонимия; литота и антифразис; использование слов широкой семантики, слов-дейктиков и иноязычных слов.

Механизм метафоры определяется как *скрытое противопоставление*. Отрицание, являющееся неотъемлемой частью глубинной структуры метафоры, становится опорой механизма смягчения, действующего в случаях ее использования в функции эвфемизма. Практически все метафоры-эвфемизмы характеризуются наличием в них доминирующего оценочно-аффективного компонента, например: *vestirlo de vikingo a alg.*, *tocarlo con limón a alg.*, *coronar a alg.* ("engañar la mujer a su marido"); *estar descongelado / flojo / como un pito*, *tener la zapatilla floja / el flapper malo* ("tener diarrea"). Экспрессивность большинства эвфемизмов-метафор обусловлена наличием в структуре их значения «карнавального элемента» (в понимании М.Бахтина). Именно карнавальностью определяется тот факт, что большинство эвфемизмов-метафор «работают» преимущественно в двух сферах - смерти и области человеческой физиологии, в особенности, половых отношений.

Большинство метонимий лишено той образности, которая свойственна метафорам, однако импликационный тип концептуальной связи между знаками позволяет им осуществлять функцию смягчения в результате косвенной (или смещенной) референции, например: *muerte segura* ("cáncer");

mal de estómago ("diarrea"); *acostarse, dormirse* ("hacer el amor"); *no estar, dejar a alg., caer, dejar de respirar, dar el susto* ("morir").

Особый интерес представляют метонимии, основанные на фоновых знаниях коммуникантов относительно типовых ситуаций и случаев. В когнитивной семантике такие типовые ситуации получили название фреймов, сценариев или событий. Нередко для обозначения целого события с эвфемистическими целями используется обозначение только его эпизода (партитивный тип) и наоборот (последнее реже) или одного эпизода вместо другого (темпоральный и каузальный типы).

Основу высокого эвфемистического потенциала слов широкой семантики и дейктиков составляет их информативная недостаточность и широкая сфера референции. Такие "окказиональные" или "ситуативные" эвфемизмы справедливо считаются "вечными", благодаря большому числу ассоциативных связей в структуре их лексического значения. Эвфемистический эффект некоторой "расплывчатости" значения основан на отношениях включения, объединяющих такие эвфемизмы и эвфемизируемые понятия. Тот же механизм сужения значения действует и при использовании в функции эвфемизма гиперонимов – единиц, представляющих собой родовое понятие по отношению к видовому (табуируемому). Эвфемистический потенциал прямо пропорционален широкости рассматриваемых единиц: небольшой у гиперонимов, высокий у слов широкого значения и максимальный у дейктических (прономинальных) единиц. Их адекватная интерпретация адресатом зависит от знания общего контекста, так называемого базиса понимания.

Анализ примеров показывает, что наиболее часто в функции эвфемизма в КНВ используются такие существительные широкого значения, как *cosa, negocio, función, fenómeno, aparato, instrumento*, а также близкие к ним полисемантические, но имеющие в своей семантике элемент отрицательной оценки *incidente, desgracia, problema*. Особое место занимает практически полностью прономинализованная лексема *cosa*, которая может приобретать в высказывании как предметное (например, в значениях "репе" и "vulva" она фиксируется даже словарем А.Сантистебана "El habla popular cubana de hoy", 1982), так и событийное значения.

Самыми приспособленными к выполнению эвфемистической функции оказываются указательные местоимения среднего рода *esto, eso, aquello* как имеющие наибольший характер обобщенности. Местоимение "aquello" также фиксируется словарем в значениях "репе" и "vulva". Особенностью КНВ является тенденция к эвфемизации в силу известных социальных причин обозначения Соединенных Штатов (и вообще заграницы). Для этого наряду с метонимическими оборотами (также имеющими широкое значение) *a noventa, en el Norte* используются указательное местоимение *allá* и наречие *afuera*.

Эвфемистическую функцию способны выполнять не только дейктические (а к ним относятся, прежде всего, личные и указательные) местоимения. С обобщенным значением событийности с элементом отрицательной оценки

нередко используется неопределенное местоимение *algo*, например: *El trató de evitar la desgracia... Si luego sucedió algo (= убийство), yo no lo sé, pero esa es la verdad.* Встречаются и случаи эвфемистического употребления кванторного *todo*: *A ver..., ¿no le diste algún mate sabroso, no le chupaste las tetas? / - Lo hicimos todo. / - ¡Cómo todo! / - Sí, compadre, lo hicimos todo. / - Mentira....* (разговор двух подростков о первом любовном опыте одного из них).оборот с неопределенным местоимением *una cualquiera* ("плюха") давно перешел в разряд инвектив.

Механизм сужения значения действует и в компрессивных образованиях с артиклем среднего рода *lo* (а также местоимениями *eso, aquello*), служащего, как известно, одним из способов субстантивации. Субстантивированные обороты с *lo* могут иметь как событийное, так и предметное значения, но чаще используются как обозначения событий, например: *Tan pronto se enteró de lo de la doctora (= убийство врача), se movilizó.* Подобные обороты относятся к тематическому компоненту высказывания, поскольку содержат анафорическое указание на субъект (*lo de nosotros, lo de Paulina*) или обстоятельство (*lo de ayer, lo de Santa Clara*).

Кроме существительных широкого значения и прономинальных элементов, с целью смягчения при помощи механизма сужения значения привлекаются некоторые глаголы группы *Verba omnibus* (*hacer, venir(se), llegar*), в основном для обозначения действий сексуальной тематики (*venir(se), llegar = alcanzar el orgasmo; hacer eso / esa cosa = hacer el amor*) (ср. русск. "дать", "кончить").

Использование слов широкой семантики и слов-дейктиков – весьма распространенное и эффективное средство эвфемии, несмотря на довольно ограниченный репертуар таких элементов в языке. Широкая (или неограниченная) область референции обуславливает "неизнашиваемость" их эвфемистического потенциала. Для этой группы средств в меньшей степени свойственна вариантная дифференциация, в сравнении с другими семантическими способами (такими, как метафора и метонимия).

Использование иноязычных элементов является довольно эффективным, хотя и малопродуктивным средством эвфемии в КНВ. Под термином "иноязычные элементы" подразумеваются как заимствования в полном смысле этого слова (т.е. ассимилированные слова, ставшие единицами заимствующего языка), так и различного рода единичные речевые проникновения или вкрапления, которые к собственно заимствованиям не относятся. Недостаточная сформированность коннотативного компонента иноязычного слова, связанная, прежде всего, с "непрозрачностью" внутренней формы составляет основу его эвфемистического потенциала.

Основным источником заимствований в КНВ служит английский язык (преимущественно американский вариант), что обусловлено факторами исторического и геополитического плана. Большинство англицизмов, подвергшихся ассимиляции, сохраняют в КНВ произношение, близкое к английскому, но воспроизводят его при помощи испанской орфографии: *creisi*

(← crazy), *quendi* (← candy) – loco; *difícil de feis* (← face) – feo; *tifitifi* (← thief) – ladrón; *saramanbiche* (← son of a bitch) – hijo de puta. Отметим, что во втором примере (*difícil de feis*) заимствование используется в составе компрессивного оборота на основе метонимии каузативного типа (существует антоним, образованный по аналогии, со значением "красивый" – *fácil de feis*); в третьем примере (*tifitifi*) использован прием редупликации (фиксируется также производный глагол, построенный по испанской словообразовательной модели *tifitear* – воровать). В приведенных примерах заимствованные слова сохраняют свое изначальное значение; англицизм *bisne* (← business) в КНВ имеет узкое значение (заниматься мелким жульничеством, контрабандой, спекулировать и т.п.) и образует существительное *bisnero* (мелкий жулик, спекулянт). Данные опроса информантов фиксируют любопытный случай заимствования с псевдоассимиляцией родного слова оноματοпейческой этимологии: *pipi's room* ("туалет") (ср. *hacer pipi* – "отпирать").

Наибольшим эвфемистическим потенциалом обладают, как представляется, единичные речевые употребления иностранных слов в расчете на частичное знание адресатом языка-источника. Характерно также графическое выделение таких элементов в тексте, подчеркивающее их "чужеродность".

Понятие эвфемизма часто рассматривается как явление, связанное или даже отождествляемое с литотой и антифразисом (или речевой энантиосемией) (см., например, словарь О.С.Ахмановой). Это представляется не случайным, поскольку литота и антифразис относятся к фигурам сокращения, т.е. основаны на отрицании – частичном или полном – некоторых элементов содержания. Таким элементом чаще всего выступает именно отрицательная оценка понятия. Обе фигуры часто используются как приемы иронии, что иногда отражается в их графическом выделении при помощи кавычек, например: ...Luis Ruíz contó lo que recordaba de aquella tarde, porque él también había tomado "un par de traguitos" (т.е. был сильно пьян – литота – метонимия каузального типа).

При помощи литоты "говорят о меньшем, чтобы сказать о большем" (Ж.Дюбуа и др., 1986) в результате смещения в пределах ряда интенсивности (в терминологии Е.М.Вольф частный случай данного приема представляют собой средства деинтенсификации, используемые с целью смягчения категоричности высказывания). Чаще всего для этого привлекаются показатели количества признака, например: Omar comprendió que su visita a esa casa había sido poco menos que inútil. Смысл литоты (букв. "немного меньше, чем бесполезен") – абсолютно бесполезен.

Основным средством речевой энантиосемии принято считать особую ироническую интонацию. Однако в письменных источниках однозначной интерпретации смысла антифразиса способствует, прежде всего, контекст, например: ...Martín había proclamado, a voz en cuello, que [Visbal] era un malparido, un hijeputa abusador y otras lindezas. (= malas palabras).

Поляризация значения, семантический контраст (составляющий суть приема антифразиса) не является, в отличие от древних переименований по запрету, распространенным средством эвфемии на современном этапе.

В рамках анализа основных лексико-семантических средств эвфемии в работе подробно рассмотрены особенности эвфемистических номинаций смерти в современном испанском языке (с привлечением, помимо кубинского, материалов чилийского и венесуэльского национальных вариантов). Семантический анализ узуальных эвфемистических номинаций смерти и связанных с ней понятий с целью выяснения национально-культурной специфики ее восприятия в рассматриваемых испаноязычных культурах способствовал расширению представлений об их языковой картине мира. Выделено **шесть** групп, соответствующих концептам умирания: 1. смерть как одушевленное существо; 2. смерть как сон; 3. смерть как конец; 4. смерть как перемещение души; 5. смерть как процессы, происходящие с телом в момент смерти и после нее; 6. смерть как отсутствие среди живых. Важно отметить, что большое количество проанализированных единиц характеризуется так называемым "карнавальным элементом" (по М.Бахтину), т.е. имеют шутливую, юмористическую окраску, казалось бы, несовместимую с трагичностью традиционных представлений о смерти. При помощи осмеяния такого трагического и неизбежного в жизни каждого человека события как смерть, как представляется, приводится в действие механизм психологической защиты, помогающий отгеснить неприятные ассоциации, связанные, прежде всего с мыслями о собственной смерти или о смерти близких.

Экспрессивность грамматических категорий с точки зрения их эвфемистического потенциала - практически "белое пятно" грамматической стилистики, за исключением традиционно отмечаемых случаев использования некоторых грамматических форм времен глагола со значением вежливости (*Imperfecto de Indicativo y de Subjuntivo de cortesía o de modestia*; *Futuro hipotético de cortesía o de modestia*). Практически все подобные модели являются клишированными и идиоматично используются для выражения директивной или иллюкутивной цели и некоторых разновидностей ассертивной (например, отрицания и негативной оценки). Таким образом, устойчиво воспроизводимое в типичных контекстах семантически сдвинутое, вторичное значение (смягченного побуждения, отрицания или оценки) данных грамматических форм можно считать эвфемистическим.

В отечественной лингвистике о так называемых грамматических эвфемизмах заговорили совсем недавно (З.З.Киквидзе, 1997), однако в работах некоторых зарубежных исследователей использование грамматических форм с целью смягчения изучается традиционно (см., например, M.Casas, E.Montero, J. da Silva, S.Widlak). К ним относят формоизменяющие процессы (эвфемистическая нагруженность некоторых показателей времени, числа, лица, рода, наклонения, залога), а также некоторые синтаксические модели (прежде всего, абруптивные и эллиптические).

Неопределенность субъекта и эвфемистическое значение обобщенности может реализовываться в неопределенно-личных предложениях, прежде всего, за счет сдвинутого значения категорий числа и лица, как происходит, например, в следующем диалоге: Es usted un hombre extraño – observó -. El día que ... mataron a Susana fue usted muy descuidado... Hoy es excesivamente precavido. / - Le costó trabajo, pero no lo dijo – murmuré. / - ¿Qué? / - "El día que usted mató a Susana". / - Es cierto – admitió -, eso iba a decir... Собеседник человека, подозреваемого в убийстве, стремясь избежать категоричного суждения (а по сути обвинения), упоминает о дне убийства фразой "в тот день, когда убили Сусанну", подразумевая при этом "когда вы убили". В данном примере налицо экспликация эвфемистической операции, а именно использование формы мн.ч. глагола в значении ед.ч. и следующее в результате преобразование определено-личного предложения в неопределенно-личное.

При использовании множественного числа с эвфемистическим значением обобщения может происходить нейтрализация категории рода, как, например, во фразе, произнесенной на собрании по отношению к одной женщине: "Aquí hay algunos que no están de acuerdo" ("Некоторые здесь не согласны"). Неконкретность референции подчеркивается неопределенным местоимением с эллипсисом определяемого слова (algunos compañeros).

Типичным случаем эвфемистического использования формы грамматического времени глагола является Imperfecto de Indicativo. На основе прагматической пресуппозиции, вытекающей из общего значения данного грамматического времени (в частности, законченность к моменту речи) возникает дополнительное, эвфемистическое значение смерти в следующем примере:...[el médico] empieza a hablar y casi no lo entiendo, porque me está diciendo con los ojos las cosas que no quiero oír. Dice que nosotros sabemos que ella estaba muy mal... ¡estaba, estaba, estaba!... ¡está muerta!. В общем контексте произнесения врачом фразы "вы знаете, что она была в тяжелом состоянии" его собеседник делает однозначный вывод: "если он говорит "была", это означает "уже нет", следовательно, она умерла".

Смягченность категоричности высказывания с глаголами мнения (creer, pensar, opinar и т.п.) и отрицанием выраженного в придаточном дополнительном суждения достигается при переносе отрицания в главное предложение и следующим за этим изменении наклонения в придаточном: Dime una cosa, Luisito, si tuvieras que fusilar a tu primo, ¿lo harías? – No creo que pueda (= creo que no podré) (ср. русск. менее категоричное "не думаю, что смогу" по сравнению с "думаю, что не смогу").

Основными синтаксическими средствами эвфемии являются эллиптические и абруптивные образования, в которых опущение нежелательных к произнесению элементов высказывания служит главным механизмом их имплицитирования.

Практически все абруптивы (или внезапные обрывы предложения или всего высказывания) встречаются чаще всего именно в роли эвфемистических средств. Обрыв может происходить непосредственно перед нежелательным

элементом, даже после управляющего предлога или артикля, например: *Seguramente no pensaba lo que decía, no es un tipo capaz de ...* (= capaz de matar). В этих случаях контекст, управление или артикль практически однозначно помогают адресату интерпретировать полученную информацию, однако существует возможность вариативности пропущенных элементов в пределах синонимии (Ср. *Ella es una...* (← *puta, mujer de la vida, cualquiera, zorra*, и т.п.)).

Наряду с обрывом предложения в качестве средства эвфемии используется также его разрыв, сопровождающийся нередко вставками, эксплицирующими "поиск слова" говорящим, например: *Pues se trataba de una muchacha un poco..., vaya, ¿cómo decirle?... especial.*

Конструкции с недостающим элементом (эллипсис существительного, определения, глагола, местоимения), регулярно используемые в качестве эвфемистических в КНВ, относятся, в основном, к первому и четвертому типу эллиптических моделей, выделенных М.В.Зеликовым (1999) (т.е. к эллиптическим *rag excellence* и моделям, преимущественно употребляющимся как устойчивые), например: *tocarlo* ← *tocarlo con limón* ("изменять (супругу)"); *irse* ← *irse al otro mundo / al cielo* и т.п. ("умереть"); *estar en estado* ← *estar en estado interesante / de gestación* ("быть в положении"); *persona de edad* ← *persona de edad mayor* ("пожилой"). Некоторые модели можно отнести к практически полностью устойчивым (т.е. к третьему типу), например: *llegarle el día / la hora* ← *llegarle el último día (la última hora) de la vida* ("умереть"); *persona de color* ← *de piel de color negro* ("негр, цветной").

Модели второго типа (ситуативно или контекстуально-эллиптические) обладают несколько более высоким эвфемистическим потенциалом по сравнению с остальными, поскольку их конкретное наполнение каждый раз определяется контекстом, например: *...le sembraba la angustia una posibilidad: que él no fuera el último ni el único* (← *...el último ni el único hombre en su vida*).

Интерес в плане исследования эвфемистических возможностей представляют и некоторые компрессивные модели, в которых невозможно прямое восстановление структуры, а семантическое наполнение зависит только от контекста. В их числе – анафорическое указание на отсутствующий в тексте элемент, выводимый только на основании пресуппозиций, например: *Nunca me gustó ir a los barrios de mujeres malas. Al principio tuve que ir bastante, si no reventaba... Pagabas cincuenta centavos y entrabas con derecho a uno (= coito) corto.*

Примеры компрессивных образований представляют собой устойчивые выражения *"estar corta'o"* ("плохо пахнуть, вонять"), метонимически происходящее от метафоры *"cortarse con vidrio inglés"* – "случайно наступить на экскремент, вляпаться"; и *"pasado de peso"* – "полный", которое может быть эксплицировано примерно как *"su peso pasa el límite superior de la cantidad normal de libras"*.

Из множества паралингвистических компонентов общения (звуковых, фонационных, кинетических) наиболее часто с эвфемистическими целями используется интонация, мимика и жесты. Роль интонации является определяющей, в частности, в приемах иронии, основанных на антифразисе, а также в коммуникативно-речевых ситуациях "Просьба", "Совет", "Отказ", "Порицание", "Извинение" и т.п. Кинетические эквиваленты языковых знаков в ряде коммуникативных ситуаций выступают по отношению к лингвистическим средствам как альтернативные и нередко используются в функции эвфемистических аналогов языковых единиц. Все кинетические элементы, используемые с эвфемистическими целями, являются кодифицируемыми (конвенциональными) и образуют важную составляющую национально-культурной специфики поведения и общения. Кинемы обладают знаковыми свойствами (проявляют полисемию, вступают в отношения синонимии и омонимии, могут проявлять вариативность). Вариативность кинем имеет пределы, за которыми меняется их значение. Важным фактором является также социальная, функционально-ролевая и половозрастная маркированность некоторых кинем, а также их ситуативная обусловленность. Из составляющих мимики эвфемистическим потенциалом обладают улыбка как стандартизированный знак симпатии и расположения, взгляд, выражение глаз и лица, а также ее дейктические возможности (указание взглядом, движением бровей и т.п.).

И паралингвистические, и лингвистические средства эвфемии нередко используются совместно. Такая избыточность повышает их эффективность и снижает вероятность недостижения цели смягчения и, как следствие, возможность возникновения этикетных конфликтов.

Как показало исследование, средства эвфемии, рассматриваемые в общем контексте категории экспрессивности, представляют собой проявление ее "обратной" стороны – смягчения.

Основу выполняемой средствами эвфемии в высказывании функции смягчения составляет имплицитное отрицательное оценивание нежелательного компонента содержания высказывания, нейтрализующее негативные эмоции, связанные с этой оценкой.

Эвфемистическими возможностями обладают средства всех языковых уровней, а также паралингвистические и экстралингвистические средства. Функция смягчения может быть у них как основной, так и вторичной.

Эвфемизмы одного и того же понятия связаны между собой отношениями градуальности по признаку "мягкости-резкости". Относительный эвфемистический потенциал каждого из них наглядно позволяет показать градуальный эталон, созданный на базе их совокупности в результате эксперимента с участием информантов.

Национально-культурная специфика (межъязыковая и межвариантная) средств эвфемии проявляется как в области их тематики, так и в особенностях репертуара.

Исследования средств эвфемии требуют самого пристального внимания в плане дальнейшей разработки как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Научно-технические термины в функции эвфемизма. // Лингвистические и методические аспекты подготовки научно-технических переводчиков (Тезисы докладов международной научной конференции). - М., РУДН, 1997. - С.38-39.
2. Имена собственные в функции эвфемизма. // Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации (Тезисы докладов международной научной конференции). - М., РУДН, 1998. - С.73.
3. Роль эвфемизмов в общении. // Тезисы V Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам "Ломоносов-98"(МГУ, 7-10 апреля 1998) (в печати).
4. Algunos aspectos de la variabilidad de los eufemismos en el español contemporáneo. // Actas de la II Conferencia de Hispanistas de Rusia (Moscu, 19-24 de abril, 1999) (в печати).
5. Фонетические средства эвфемии в современном испанском языке. // Обучение российских и иностранных граждан на подготовительных факультетах в условиях международной интеграции высшего образования (Материалы международной конференции). - М., РУДН, 1999. - С.258-259.

Родченко Анна Валерьевна (Москва)

**Средства эвфемии в современном испанском языке
(на материале кубинского национального варианта)**

В диссертации осуществляется комплексный анализ средств эвфемии на базе функционально-системного подхода, определяющего их широкую трактовку. Средства эвфемии рассмотрены в общем контексте категории экспрессивности как проявление ее "обратной" стороны – смягчения. Впервые в отечественной испанистике анализируются эвфемистические возможности средств всех языковых уровней, а также паралингвистических средств. Сделана попытка подробного анализа психологической стороны явления эвфемии. Исследуются основные аспекты вариативности эвфемизмов с учетом нескольких взаимосвязанных факторов (социального, временного, психологического, национально-культурного, территориального и ситуативно-стратификационного). Проведен психолингвистический эксперимент по градуированию эвфемизмов для понятия "morir" ("умереть") в кубинском национальном варианте испанского языка с целью выяснения их эвфемистического потенциала.

Anna V. Rodchenko (Moscow)

**Euphemistic Means in Modern Spanish Language
(Based on National Cuban Variant)**

In the thesis the complex analysis of the euphemistic means is done on the basis of functional-systematic methods, conveyed through wide definition. Euphemistic means are studied in the context of the category of expressiveness as its "opposite" side which is softness. For the first time in Espanistic euphemistic potentials of all linguistics levels and paralinguistic means are analyzed. An attempt of detailed psychological analysis of euphemisms has been made. Basic aspects of euphemistic variety using several interconnected factors (social, time, psychological, cultural, national, territory and situative-stratificative) are studied. Psycholinguistic experiment was held on gradation of euphemisms for notion "morir" ("die") in National Cuban variant of Spanish language aimed at pointing out euphemistic potential.

КОПИ-ЦЕНТР св.Ц6/1306 Тираж **100** экз.
тел/факс 470-90-93,
283-09-52 (м.ВДНХ), **КОПИ-ЦЕНТР**
г. Москва М.Бабушкинская ул.Енисейская 36
(Экспериментально-производственный комбинат)

200